

ОБЩЕНИЕ КАК КОНТИНУУМ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В.В. Крюков

Новосибирский государственный
технический университет

Целью статьи является обоснование первичности процесса общения по отношению к личности как результату, опредмечивающему этот процесс. Основной темой статьи как сквозная линия проходит применение к предложенному решению проблемы метода диахронического анализа, подробно развитого автором в его монографии. Общение и личность как процесс и вещь показаны в непрерывном континууме существования.

Ключевые слова: общение, социализация, опредмечивание, освоение, персонификация.

Когда мы определяем общение как непосредственный или опосредованный обмен между людьми их личностным содержанием – мы невольно впадаем в искреннее, широко распространенное как в обыденном сознании, так и в профессиональных текстах философов, психологов, социальных антропологов и пр., привычное заблуждение, ставящее, образно говоря, телегу впереди лошади. Так, уважаемый автор В.Е. Кемеров определяет общение как «взаимодействия между людьми, главным образом непосредственные. В трактовке социальных отношений общение – форма их реализации, обеспечивающая ...воспроизводство и накопление человеческого опыта» [3, с.131 – 132]. Из контекста понятно, что вполне сложившиеся личности вступают друг с другом в процесс обмена их содержанием, накопленным опытом, следовательно, общение есть продукт активности уже сформировавшихся людей.

Автору представляется, что дело обстоит с точностью до наоборот, и первым ар-

гументом в пользу тезиса о том, что общение предшествует формированию человеческой личности, первично по отношению к ней и, выражаясь категориально, является субстанцией личности, то есть носителем всех ее свойств, является знаменитый сюжет, получивший в литературе имя «царский эксперимент».

Суть эксперимента, как его описывает автор книги «К истокам языка» Олег Донских [2], ссылаясь на ряд источников от Геродота до А. Сеннерта, состоит в том, что изолируется от общения группа младенцев и ожидается момент, когда дети подрастут и заговорят. Впервые такой эксперимент поставил в VII веке до нашей эры египетский фараон Псамметих. Он задал своим мудрецам вопрос о том, какой народ является самым древним на Земле, и когда те не смогли прийти к общему мнению, то был поставлен «царский эксперимент». Этот эксперимент повторяли многократно: в I веке нашей эры о нем пишет римский автор учебника риторики Квинтиллиан;

в XIII веке его повторяет германский император Фридрих II; в XVI веке ставят этот эксперимент король Джеймс IV Шотландский и хан Акбар из династии Великих Моголов; даже в XIX веке подобную ситуацию описывает Э. Тэйлор.

Результат во всех случаях, исключая мифические домыслы, отрицательный: дети не заговорили ни на каком языке, что не удивительно и даже очевидно. Увезите русского младенца в Америку или Японию и вы убедитесь, что на русском языке он не заговорит отнюдь, потому что никакого *естественного* языка в гено типе человека нет. Однако есть и более сильные аргументы.

Диалектика человеческого существования включает в себя такой аспект, как отнесенность автономности и замкнутости, отдельности самой человеческой личности, поскольку она обладает не только вещными, но и процессуальными характеристиками. Здесь представляется интересной проблема, сформулированная в работе новосибирского философа Георгия Антипова с красноречиво оригинальным названием: «Человек – волна или корпускула?» [1]. Объясняя столь необычное название, автор замечает, что использование понятий, семантика которых уходит корнями в дискуссии о природе света, – всего лишь стилистический прием.

Но если вспомнить, что, с более общей точки зрения, речь идет о конкуренции двух исследовательских программ, в основе одной из которых – категория дискретности, а другой – категория континуальности, то эта метафора позволяет выявить определенные смыслы в понимании сущности человека, поскольку такие же по своей сути исследовательские программы представляют собой альтернативные асимптоты в методологической ориентации человековедения.

Антипов находит, что, с одной стороны, в культуре Нового времени приобретает устойчивость видение человека как своего рода *монады*, социального атома, замкнутой в себе автономной сущности, определяющей формы своего взаимодействия с другими единичностями социальности. Гоббсовская «война всех против всех», локковский «общественный договор», экономические и гносеологические «робинзонады», столь характерные для этой эпохи, – вот конкретные теоретические подходы, идейные выражения дискретного понимания и построения мысленной модели социального субъекта.

С другой стороны, в XIX веке в контексте складывающегося самосознания научной социологии появляется прямо противоположная трактовка человеческой природы. Самое яркое выражение эта программа нашла в марксизме, в знаменитом «тезисе о Фейербахе», в соответствии с которым «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть ансамбль общественных отношений» [5, с. 265]. Индивид (досл. с лат. *неделимый*), «социальная корпускула», таким образом, уступает место «социальной волне»; принцип дискретности сменяется принципом континуальности.

Причем эта вторая программа отнюдь не была исключительным достоянием марксизма. Она была выражена в теоретической форме позитивистом Огюстом Контом с его представлением о «всеобщем согласии», об обществе как высшей действительности, предшествующей индивиду, относительно которой он не самостоятелен, а исключительно функционален. Аналогичный подход в русской философии Серебряного века мы находим в «философии Всеедин-

ства» Владимира Соловьёва, где человек трактуется как всегда часть и олицетворение: семьи, социального круга, общины, города, народа.

В практической же форме эта методологическая ориентация проявилась в массе оправдательных приговоров судов присяжных того времени, сводивших преступления противозаконно действовавших людей к губительному влиянию нездоровой социальной среды («среда заела!») и снимавших персональную ответственность с человека за его поступки. Чего стоит, к примеру, оправдание Веры Засулич, совершившей пусть политическое, но все же убийство!

Впрочем, в XX веке вновь актуализировалась дискретная исследовательская программа: например, в социологии Макса Вебера, в философской антропологии Макса Шелера, в психоанализе Зигмунда Фрейда и много еще где. Поэтому следует рассмотреть вопрос о совместимости двух исследовательских программ, об их диалектическом синтезе, а этот последний возможен при использовании концептов диахронического анализа.

Имеющим смысл представляется следующее соображение: дискретность и континуальность личности в социальной среде суть не вечные и неизменные, не фиксированные, а относительные и переменные характеристики человека, *разведенные во времени*. Используя понятийную метафору Антипова, можно сказать, что человек в различные периоды своей жизни в разной мере выявляет черты корпускулы или волны, свойства дискретности или континуальности. Если младенец, целиком являющийся объектом внешнего по отношению к нему воспитательного воздействия, – это, по большей части, «волна», то по мере того, как он растет, формируется как личность,

вырабатывает «Я-концепцию» и приобретает самосознание, взрослеет и мужает, когда он становится *ответственным* за свои собственные поступки и начинает *отвечать* за других – собственных детей в нормальном и наиболее частом случае – он все в большей и большей степени становится автономной «корпускулой», взрослым человеком и самостоятельным субъектом общественно значимой деятельности, и именно в стихии общения.

Нормальный ход процесса ярко высвечивается аномалиями. Так, бывает, что развитие личности задерживается, тормозится заботой сверх меры, излишней опекой и тепличными условиями воспитания. Тогда возникает такое явление, как *инфантилизм* (исп. *infant* – дитя), когда взрослый по годам мужчина не решается вступить в брак, не умеет принимать решения и боится совершить мало-мальски самостоятельный поступок без совета и одобрения потому, что его «держит на коротком поводке» чрезмерно ретивая, ревнивая и эгоистичная мамаша. Обратное явление – *раннее взросление*, характерное, к примеру, для «детей войны», когда семи- или девятилетний мальчишка остается старшим в семье мужиком, а значит – добытчиком и кормильцем, опорой в хозяйстве изможденной работой матери и воспитателем оравы младших братишек и сестреноч.

По мнению автора, имеют принципиальное значение два обстоятельства. Первое заключается в том, что дискретность содержания личности есть характеристика относительная. Как в рассуждении о человеке, так и здесь можно заострить вопрос: личность – волна или корпускула? И так же, как и в предыдущем случае, мы должны ответить: ни то, ни другое. Так же, как в вещественной среде есть сгущения – тела, и есть разрежения – бестелесные протяжен-

ности, рассеянные среды, так и в семиотическом пространстве, пространстве знаков, в континууме знаковой системы, иначе говоря – в поле общения следует выделять более плотные и менее плотные объемы информации с различной – локализованной или распределенной информационной емкостью.

Приведем аналогию с телевизором. Когда мы смотрим какую-нибудь передачу – «Поле чудес» или программу «Время», канал «Россия» или НТВ, нам же не придет в голову утверждать, что все сюжеты, которые мы видим на экране, локализованы и тем более возникли в самом телевизионном «ящике». Телевизионный приемник «отвечает» только за четкость, контрастность, цветность изображения на картинке, но никоим образом не за ее содержание, и в этом легко убедиться: достаточно выдернуть из гнезда штекер антенны – и на экране останется лишь фоновая рябь. Точно так же дело обстоит и с психическим содержанием личности, чувственным образом – зрительным или слуховым, осязательным или обонятельным: он не локализован в «пространстве мозга» или даже в «пространстве тела». Он актуализирует и концентрирует в местной локальности субъективной реальности информацию, циркулирующую в поле сигналов.

Поскольку же в процессе перцепции исключительную роль играет зрение, которое дает нам до 97 % всей информации о внешней реальности, то человек как субъект ориентационной деятельности есть, выражаясь по-старославянски, *очелове́ц*, «ловящий очами», «видящий», а люди суть *очелове́цы*.

Совершенно так же следует рассуждать и относительно интеллектуальных компонентов субъективной реальности. Все

содержание наших мыслей обусловлено операциональным содержанием нашей практической деятельности, а формы выражения мыслей полностью определяются той знаковой системой, в которой осуществляется общение: это прежде всего и главным образом язык, внешняя и, как следствие, внутренняя речь. Опять же: мысль есть актуализация в местной локальности субъекта как фрагмента реальности информации, циркулирующей в поле знаков. Это и есть *со-знание*, совместное изначально и, как следствие, индивидуальное *владение знаковой системой*, манипулирование *знаками*, которое и есть, собственно, *мышление*. Вот почему человек, снова выражаясь по-старославянски – *мыслѣтя*, а люди суть *мыслѣти*.

Информация плотнее там, где происходят какие-то интенсивные изменения, и сливается в ровный фон там, где сохраняется относительная устойчивость. Так, психологам хорошо известно, что какой-либо раздражитель выпадает из зоны внимания, если его действие остается постоянным. Например, освежившись после бритья одеколоном, через какой-то промежуток времени перестанешь ощущать его аромат, тогда как любой встречный человек с неадаптированной реакцией сразу уловит запах.

Кроме того, информация специфична в своей модальности на разных уровнях организации, она проявляется различным образом в разных типах материальных систем. В частности, психика человека, на субстрате которой формируется субъективный образ, включена, по крайней мере, в три разных типа взаимодействий и соответственно функционирует как бы в трех различающихся пространствах: соматическом, в котором формируются и переживаются в эмоционально-чувственной модальности

(удовольствие, раздражение, боль, экстаз и т.п.) состояния клеток, тканей и органов тела; перцептуальном, генерирующем сопереживания, сопряженные с биологически значимыми естественными факторами природной среды (зеленое, сладкое, теплое, гулкое) – через зрение, вкус, слух и т.п.; наконец, семиотическое пространство, в котором как внешние предметы, так и внутренние психические комплексы (допустим, фонемы языка) функционируют не в своей естественной, первоначальной модальности, а в соответствии с искусственным качеством, иначе говоря – смыслом, который придает ему содержанием человеческой практической деятельности.

Итак, короче говоря, образ не есть автономная реальность, а своего рода *квант*, ступок некоторого поля информации, и в этом смысле он такой же внешний для субъекта, как и внутренний элемент его бытия. Континуум информации не разрывается, а только концентрируется в содержании психики, меняя лишь субстратность, вещественность носителя.

Так, к примеру, мелодию «Чижика-пыжика» можно пропеть голосом: басом или дискантом; прогудеть на трубе или просвистеть на флейте; отстучать на ксилофоне или пианино; записать на грампластинку в виде механической борозды, на магнитную ленту в виде переменных потенциалов, на киноленту в виде световой дорожки зачернений по краю целлулоидной пленки, в цифровой форме в компьютере. Аналогично длина волны колебаний электромагнитного поля или частота колебаний воздуха замещаются в психике красным или звенящим, а частота колебаний молекул в зависимости от диапазона ощущается как кислое или соленое. Во всех случаях различен *материал*, но инвариантен *эйдос*.

Второе же обстоятельство заключается в том, что в человеке как сложно организованном фрагменте реальности пересекается несколько модальностей бытия, разновидностей процессов или, в терминологии Фридриха Энгельса, взаимодействует сразу несколько форм движения материи. В самом деле: человек есть механическая масса, физическое тело, химическое вещество, биологическая ткань, животный организм, индивид популяции приматов и личность как элемент социума.

Специфика диахронического подхода [4] (термин «*диахронический*» образован от древнегреческих слов *δεα χρόνος* – через время: им обозначают направления исследований в различных предметных областях, для которых характерно акцентирование внимания на историческом аспекте проблемы, когда речь идет о *последовательности* событий или явлений, о *скорости* изменений, о *темпах* развития, *ритмах* некоторых процессов), заключается в том, что реальность человеческого существования распадается на ряд процессов, протекающих с различными скоростями, в разных темпах и с разными ритмами изменчивости. При этом естественным образом диалектика реальности проявляется в бытии субъекта деятельности таким образом, что более высокие уровни организации оказываются и более быстрыми, а значит, относительно интеллектуальных или психических процессов изменения биологического или химического порядка выглядят константными, вещно-определенными, телесными.

Так, разумом мы прекрасно понимаем, что наше тело – это тоже процесс. И хотя оно сегодня такое же, как вчера и позавчера, и завтра вряд ли изменится радикально, мы знаем, что изменения идут. Известно, что примерно за четыре года полностью

обновляется химический состав тканей нашего тела. Подумать только! Во мне нет ни одной молекулы из тех, что были элементами моих мышц и костей, нервов и крови всего лишь четыре года назад, но я-то все тот же! Устойчивость и изменчивость реальности проявляются в моем собственном бытии вот в таком конкретном ритме. Мне хочется иметь атлетическую фигуру, но тренер мне говорит, что этого нужно добиваться в течение многих недель упорных тренировок с отягощениями и тренажерами. Минимальный срок – столько-то месяцев. И я понимаю: тело изменчиво, пластично, но это изменение обладает определенной инерцией и требует затраты нравственных и физических сил.

Поставим еще и мысленный эксперимент. Если бы я, по принципу семейного альбома, снимал себя фотоаппаратом по одному кадру в день в одном и том же ракурсе продолжительно: от состояния грудничкового малыша до школьника с ранцем, юноши с гитарой, студента с шевелюрой под Платона, зрелого доцента с брюшком и плешью, пожилого профессора с лысиной и в очках, и худенького старичка-пенсионера с тросточкой и седой щетиной на скулах, а потом прокрутил бы эту портретную галерею со скоростью киноплёнки, у меня исчезло бы не только интеллектуальное представление, но и перцептуальное впечатление о том, что я есть устойчивое тело, определенная вещь.

Я увидел бы на экране нечто подвижное, непрерывно меняющееся, то тянущееся вверх, то уменьшающееся в росте, то толстеющее, то худеющее и ссыхающееся в объеме – я увидел бы биологический процесс трансформации протоплазмы, тканей

организма во всей последовательности фаз от возмужания до увядания. И я всего этого не вижу лишь потому, что мое тело меняется значительно медленнее, чем функционирует аппарат зрительного восприятия.

Резюмируя все вышеизложенное, автор приходит к выводу о том, что автономность личности и тем более ее самодостаточность весьма относительны, тогда как субстанциальность общения имеет фундаментальный характер, хотя и проявляется в различных формах и дифференцированных степенях на разных стадиях онтогенеза человека в той мере, в которой его личность формируется в процессе общения, в которой она вовлечена в этот процесс, в которой этот процесс интенсивен и насколько человек сам начинает инициировать и контролировать процесс общения, становясь его субъектом.

Литература

1. Антипов, Г.А. Человек – волна или корпускула? / Г.А. Антипов // Человеческий фактор в ускорении социального и научно-технического прогресса / Философские основания наук о человеке. – Новосибирск: ИФПр СО РАН, 1989. – С. 7 – 9.
2. Донских, О.А. К истокам языка / О.А. Донских. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1988. – С. 15 – 19.
3. Кемеров, В.Е. Общение [Текст] / В.Е. Кемеров // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – С. 131 – 132.
4. Крюков, В.В. Материя и бытие в диахронической версии / В.В. Крюков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008 (Серия «Монографии НГТУ»). – 168 с.
5. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: 2-е изд. в 50 т. Т. 42. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. – 532 с. (С иллюстрациями и картами).